УДК 811.512.145

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Р. Рахимова

Аннотация

В статье делается попытка выявить и описать особенности образования сложных слов татарского языка, употребляющихся при характеристике человека. Лексика названной тематической группы рассматривается с учётом классификации на собственно сложные, парные и составные слова. Большинство лексем являются диалектными, разговорными или просторечными, относятся к именам прилагательным. Исходные лексические единицы, участвующие в образовании сложных слов, входят в кыпчакско-тюркский пласт лексики татарского языка; число компонентов, заимствованных из неродственных языков, незначительно. Собственно сложные и составные слова чаще образуются сложением имени прилагательного с именем существительным во втором компоненте; парные слова в основном образуются от двух имён прилагательных. В образовании составных слов участвуют аффиксы -*лы*/-*ле* и -*чан*/-*чэн*.

Ключевые слова: татарский язык, тематическая лексика, словосложение, типы сложных слов, заимствования, происхождение слов.

Словосложение является продуктивным типом образования новых слов. В работах тюркологов-лингвистов, в частности татарских языковедов, изучению сложных слов уделяется большое внимание. Прежде всего следует назвать монографии Ф.А. Ганиева, в которых исследуется словообразование в татарском языке [1–3], а также подготовленный коллективом авторов первый том «Татарской грамматики» [4]. В 2005 г. издана монография Ф.И. Тагировой [5], в которой комплексно анализируются орфографирование, лексикографирование и идентификация сложных слов. Необходимо отметить также работу Р.М. Миргалеева [6], посвященную анализу и описанию парных лексем татарского языка в лексико-семантическом и стилистическом аспектах.

В работах татарских лингвистов освещены многие аспекты словообразования. Однако современная наука постоянно ставит перед исследователями языка новые вопросы. Как отмечает Ф.М. Хисамова, «…изучение принципов образования и функциональных особенностей сложных слов не может ограничиваться анализом словообразовательной структуры. Оно тесно связано с историей языка, исторической грамматикой и представлениями народа о мире, отраженными в языке (т. е. языковой картиной мира)» [7, с. 550]. Поэтому изучение словообразовательных возможностей татарского языка на конкретном (в тематическом отношении) и комплексном (в стилистическом отношении) материале даст

возможность выявить закономерности глубинных процессов исторического словообразования.

Целью нашего исследования является изучение сложных слов, характеризующих человека, в татарском языке. Подробный анализ лексики в рамках одной тематической группы, объединяющей лексемы литературного и разговорного языка, диалектов и говоров, по нашему убеждению, может дать новый материал, подтверждающий теоретические заключения по вопросу словосложения. Кроме того, такой анализ позволит выявить специфические явления, остающиеся вне поля зрения из-за большого объёма лексического материала.

Ф.И. Тагирова в своём исследовании, посвящённом сложным словам, в качестве родового термина использует понятие *сложное слово*, в качестве видовых – *собственно сложное слово* (саф кушма сүз), *составное слово* (тезмә сүз), *парное слово* (парлы сүз) [5, с. 7]. Проанализировав работы по тюркскому и русскому словообразованию, она выделила следующие признаки сложного слова: 1) грамматическая цельнооформленность – оформление сложного слова одним суффиксом (например, *ашъяулыкка төрергә*); фонетическая цельнооформленность – отсутствие паузы между компонентами; неподвижность компонентов; семантическая целостность; непроницаемость – невозможность вставки между компонентами без ущерба для значения; 2) общая синтаксическая функция; 3) единая часть речи [5, с. 27–34].

Ф.А. Ганиев отмечает, что сложные слова в татарском языке образуются тремя способами: 1) сложением основ с атрибутивным, объектным и предикативным отношениями (саф кушма сүзләр); 2) сложением основ с сочинительным отношением (куш сүзләр); 3) сложением основ по II типу изафета или с комплетивным отношением (тезмә сүзләр) [3, б. 35]. При классификации сложных слов, характеризующих человека, мы будем следовать вышеуказанному делению по типу сложения основ: 1) собственно сложные слова; 2) парные слова; 3) составные слова. Отметим, что в татарском языке сложные лексемы, употребляющиеся при характеристике человека, относятся в основном к именам прилагательным, небольшую часть образуют имена существительные. Подавляющее большинство этой лексики составляют диалектные и разговорные слова, иногда встречаются просторечные лексические единицы.

1. Собственно сложные слова

Данный тип сложных слов «…образуется из сочетаний слов, соединённых между собой атрибутивной, объектной или предикативной связью и развившихся в собственно сложные слова путём потери такой синтаксической связи» [4, с. 224]. Исследованные слова образованы по следующим словообразовательным моделям.

Имя существительное + имя существительное: тат. разг. *тушбикә* ‘женщина, с пышными грудями, статная и гордая’ < *түш* ‘грудь’ и *бикә* ‘госпожа, барыня’; тат. д. *коткожан* ‘смутьян; человек, склонный к тревогам; поддающийся панике’ < *котко*/*коткы* ‘подстрекательство’ и *жан* ‘душа’; *иранай* ‘женщина с мужскими манерами’ < *ир* ‘мужчина’ и *анай* ‘матушка’; *өйгеше* ‘жена’ < *өй* ‘дом’ и *геше*/*кеше* ‘человек’; тат. простореч. *кызтәкә* ‘мужеподобная женщина’ < *кыз* ‘девушка, девочка’ и *тәкә* ‘козёл; баран’.

Сравнение диалектов сибирских татар с другими тюркскими и монгольским языками позволило прийти к заключению, что тат. д. *буйгат* ‘беременная’ состоит из слов *буй* ‘стан, тело’ (< др. тюрк. *bod* ‘тело, туловище; стан, фигура’ (ДТС, с. 106)) и *гат*/*кат* ‘слой’, что дословно означает ‘тело слоёное’. Ср.: уйг. *икки кат, бойи кат*; каз. *екікабат*, туркм. *икигат*, к. калп. *еки кабат*, кирг. *кош бойлуу*; тув. *дапкырлыг*/*дакпырлыг* (*дапкыр* ‘двойной’); монг. *бие давхар* (*бие* ‘тело’, *давхар* ‘слой, ряд; этаж, ярус; двойной; наслоенный; дважды’).

Имя существительное + имя существительное + *-лы*/*-ле* или *-сыз*/*-сез*: тат. л. *эчкерле* ‘злопамятный, коварный, неискренний’, *эчкерсез* ‘искренний, чистосердечный, простодушный’. Данные слова образованы от слова *эч* ‘*перен.* душа, сердце’ (первоначально, возможно, было *эче* ‘его душа’) и производных слов *керле*/*керсез* ‘нечистый/чистый’ < *кер* ‘грязь’ с аффиксами *-ле* и *-сез.*

Имя числительное + имя существительное + *-лы*/*-ле* или *-сыз*/*-сез*: тат. л. *икейөзле* ‘лицемерный’, *беркатлы* ‘легковерный, наивный’. Данные лексемы образованы от числительных *ике* ‘два’, *бер* ‘один’ и существительных *йөз* ‘лицо’, *кат* ‘слой’ с аффиксом *-лы*/*-ле.*

Местоимение + имя существительное или отглагольное имя + *-лы*/*-ле*: тат. л. *үзсүзле* ‘упрямый; настойчивый’ < *үз* ‘свой’ и *сүз* ‘слово’ +*-ле*; *үзбелдекле* ‘самонадеянный; самовольный’ < үз ‘свой’ + *белдек* ‘то, что знает’ + *-ле* (*-дек* мы рассматриваем как отражение причастной формы, характерной для тюркских языков огузской группы; в турецком языке форма *-dik* очень часто образует отглагольное имя – тур. *bildiklerinizi söyleyin* ‘расскажите то, что вы знаете’).

Имя прилагательное + имя существительное: тат. л. *исерекбаш* ‘пьяница’ < *исерек* ‘пьяный’ и *баш* ‘голова’; *бушбугаз* ‘крикун, горлопан, пустослов’ < *буш* ‘пустой’ и *бугаз* ‘горло, гортань’; *бушбаш* ‘безмозглый, глупый’; тат. д. *пушкул* ‘щедрый’ < *пуш*/*буш* ‘не сжатый’ и *кул* ‘рука’ (ср.: тур. *eli açık* ‘щедрый, великодушный’, *elini açık tutmak* ‘быть щедрым’); данное слово является омонимом с тат. разг. наречием *бушкул* (бару, килү) ‘без подарка; с пустыми руками’; *иркәтәй*/*иркәтай* ‘капризный, избалованный’ < *иркә* ‘изнеженный, избалованный’ и *тай* ‘жеребёнок’; *юкабаш* ‘полоумный’ < *юка* ‘тонкая’ и *баш* ‘голова’; *гәрәбайак*/*гарибайак* ‘человек, медлительный в движениях’ < *гәрәб*/*гариб* ‘искалеченный, увечный’ (< ар.) и *айак* ‘нога’; тат. разг. *тәтибикә* ‘любительница покрасоваться; пустая красавица’ < *тәти* ‘*разг. ирон.* хороший, красивый’ и *бикә* ‘барышня’; *ялтырбаш* ‘лысый’ < *ялтыр* ‘блестящий’ и *баш* ‘голова’.

Имя существительное + имя прилагательное: тат. д. *кыкы чыбар* ‘веснушчатый’ < *кыкы* ‘кукушка’ и *чыбар*/*цыбар*/*чуар* ‘пёстрый’; *шийырцык цыбар* ‘веснушчатый’ < *шыйыршык* ‘скворец’ и *цыбар*.

Имя существительное + причастие на *-ыр* (*-мас*): тат. л. *эшсөяр* ‘трудолюбивый, деятельный’ < *эш* ‘работа, труд’ и *сөяр* ‘любящий’; *башкисәр* ‘головорез, разбойник; отчаянный, лихой’ < *баш* ‘голова’ и *кисәр* ‘отрезающий’; *җилкуар* ‘ветреный, легкомысленный, непостоянный’ < *җил* ‘ветер’ и *куар* ‘погоняющий’; *башимәс* ‘горделивый’ < *баш* ‘голова’ и *имәс* ‘непреклоняющий’; тат. разг. *йорттотмас* ‘бесхозяйственный, недомовитый’ < *йорт* ‘дом; хозяйство’ и *тотмас* ‘не умеющий содержать’; *иргәсәр* ‘распутный, безнравственный’ < *ир* ‘мужчина’ и *гәсәр*/*гизәр* ‘скитающийся, бродящий’.

Наречие + причастие на *-ыр* (*-мас*): тат. л. *тиктормас* ‘непоседливый, подвижный; непоседа’ < *тик* ‘спокойно, без движения’ и *тормас* ‘ненаходящийся’.

Наречие + причастие на *-ган*: тат. л. *кире беткән* ‘упрямый, строптивый, несговорчивый; норовистый (о лошади)’ < *кире* ‘обратно, назад’ и *беткән* ‘появившийся; растущий’ (ср. тат. д. *битү* ‘рождаться, появляться’ (др. тюрк. *büt-* ‘вырастать, уродиться; рождаться, появляться на свет’ (ДТС, с. 133)); данное слово, возможно, первоначально обозначало рождение ребёнка, лежащего в утробе матери не головкой вперёд, как это положено, а тазом или ножками; *яңа туган* ‘новорождённый’ < *яңа* ‘только что’ и *туган* ‘родившийся’.

2. Парные слова

«Компоненты парных слов равноправны между собой, связаны сочинительной связью и грамматически не зависят друг от друга» [4, с. 225]. В одной из своих статей Ф.С. Сафиуллина отмечает, что в современном татарском языке функциональная активность парных слов возрастает [8, с. 131]. В лексике, характеризующей человека, парные слова в основном образованы от имён прилагательных. Самыми многочисленными являются парные слова, образованные по модели *имя прилагательное* + *имя прилагательное*. Рассмотрим подробнее.

Имя прилагательное + имя прилагательное: тат. л. *кара-тутлы* ‘смуглый’ < *кара* ‘чёрный, тёмный’ и *тутлы* ‘с тёмным налётом, загоревший’; тат. д. *зайып-гъәреп* ‘увечный, калека’ < *зайып*/*зәгыйфь* ‘искалеченный; слабый, немощный’ (< ар.) и *гъәреп*/*гарип* ‘искалеченный, изуродованный; немощный; калека’ (< ар.); тат. д. *атлы-цаплы* ‘знаменитый, известный’ < *ат* ‘имя’ (< др. тюрк. *at* ‘имя; титул, звание’, *at al-* ‘приобретать имя’, *at ün* ‘слава’, *atag*/*ataq* ‘название, прозвание’, *atlıg* ‘именитый, знатный, славный’ (ДТС, с. 64–67)) и *цап* ‘слава’ (< др. тюрк. *çab* ‘слава, известность; молва; известный, прославленный’ (ДТС, с. 135)), ср.: тат. л. *аты-чабы* ‘дурная репутация’; шор., хак. *шап*, *чап*, сиб.-тат. *цап* ‘молва, слава’ (Р., т. IV, с. 196, 981).

Тат. л. *чит-ят* ‘чужой, совершенно чужой’ < *чит* ‘чужой, неродной, посторонний’ и *ят* ‘чужой, не свой, пришлый’. Др. тюрк. *yat* ‘чужой, посторонний; чужая страна, чужбина’ (ДТС, с. 247) активно употребляется в языках кыпчакской группы, кроме карачаево-балкарского языка, где в значении ‘чужой’ используются слова *тыш* и *киши*. Семантическое развитие компонента *чит* (*сит*/*чет*/*шет*) в татарском, башкирском, казахском, ногайском и узбекском языках шло одинаковым путём: 1) край, окраина; 2) *перен*. чужой, незнакомый. В киргизском, каракалпакском и кумыкском языках слово *чет* в значении ‘чужой (человек)’ не употребляется: кирг. *чет* ‘край; заграница’; кум. *чет* ‘уединённый, укромный’, к. калп. *шет* ‘край’. Туркм. *чет* означает ‘край, сторона; окраина’; его производное значение ‘иностранный, зарубежный’ появилось минуя значение ‘чужой’, что позволяет увидеть в этом явлении взаимовлияние литературных языков, например татарского литературного языка.

К этой же модели относятся тат. разг. *чирле-чөрле* и тат. д. *чирле-чорло* ‘больной, болезненный’ < *чир* ‘болезнь’; ср.: др. тюрк. *çerlän-* ‘гноиться, засоряться (о глазах); страдать запором (эвфемизм)’, *çer* ‘запор (о кишечнике, эвфемизм)’ (ДТС, с. 144). Компоненты *чөр* и *чор* не являются рифмованными вариантами слова *чир*. В них, на наш взгляд, отражается параллельное употребление

вариантов одного и того же слова, относящихся к разным языковым группам (кыпчакской и огузской) с целью передать значение собирательности. Ср.: башк. *сир*, кум. *чер* ‘болезнь, недуг’, тур. *çör* ‘хвороба’, тур. д. *çor* ‘болезнь, хвороба; чума крупного рогатого скота’.

Жук-җетек ‘бедный’ < *җук*/*юк* ‘неимущий’ и *җетек*, которое в языке самостоятельно не употребляется. Данное слово, как мы считаем, связано с др. тюрк. *yit-* ‘исчезать, теряться’, *yitük* ‘пропавший, исчезнувший’ (ДТС, с. 263, 264). Ср.: тур. *yit-* ‘пропадать, исчезать’, *yitik* ‘потеря, пропажа; исчезнувший’. Глагольный корень *йит-*/*йет-*/*җет-* имеется и в слове *үлем-җетем*/*үлем-җитем* ‘случаи смерти; умершие’.

Имя прилагательное + рифмованный элемент: тат. разг. *тиле-миле* ‘глуповатый’ < *тиле* ‘сумасшедший’ (< др. тюрк. *telü* ‘слабоумный; безумный’ (ДТС, с. 351)); *иләс-миләс* ‘глуповатый, легкомысленный, ветреный’ < *иләс* ‘взбалмошный, ветреный’. *Миле* и *миләс* – рифмованные варианты слов *тиле* и *иләс*, которые не имеют самостоятельного значения. Ср. чув. *илес-милес* ‘уродливый, безобразный; неопрятный; страшный; чрезвычайно, весьма’ и *элес-мелес* ‘косматый; растрепанный; несуразный, безобразный’. Р.Г. Ахметьянов *иләс*/*илес*/*элес* связывает со словом *элес* ‘неясное очертание; призрак’, встречающимся в киргизском, алтайском, якутском языках (ЭСТЯ, б. 77).

Подражательное слово + подражательное слово (участвуют и звукоподражательные, и образоподражательные слова): тат. д. *дар-дор* ‘сумасброд, безумец’ < *дар, дор* – подражание резкости, резким движениям; *телде-белде*, *чатый-потый* ‘косноязычный, картавый’ < подражание невнятной, неправильной речи (ср. тур. *çat pat* ‘кое-как’); *шар-мар* ‘простодушный’ < подражание открытости (ср. тат. л. *шар-ачык* ‘открыто настежь’); *илим-пилим* ‘слабоумный’ < подражание неполноценности (возможно, связано с чув. *ил*е*м-тил*е*м* ‘ни свет ни заря; необдуманно’). Компоненты слова *убак-субак* ‘бестолковый, непутёвый; неумеющий экономить’ в современном языке не употребляются и не этимологизируются. Однако сравнение его с тат. д. *урык-сурык* ‘урывками; беспорядочно, бессистемно’ и чаг. *обурук-субурук* ‘поспешно’ (Р., т. I, ч. II, с. 1164) позволяет увидеть общую семантику ‘бестолково’ и предположить, что это слово татарского языка восходит к древнему пласту, являясь сокращённым вариантом *обурук-собурук*. Слова *шап-шак*, *ал*/*шап-шакал* ‘нетерпеливый, несдержанный’, вероятно, также имеют подражательную основу; ср.: тат. л. *шакылдавык* ‘трещотка’, чув. *ш*а*к*а*л-шак*а*л* ‘подражание громкому неравномерному побрякиванию, крикам’.

3. Составные слова

Данный тип сложения основ нередко называется аналитической формой сложных слов. В татарском языке значительное количество составных слов образуют глаголы (их число доходит до нескольких десятков тысяч [4, с. 225]), а также существительные (особенно много их в терминологии [9, с. 94]). Серьёзный вклад в их изучение внесли составители «Татарско-русского словаря составных слов» Ф.С. Сафиуллина и Ф.М. Газизова [10]. Ими был собран и систематизирован огромный фактический материал, в интерпретации которого, однако, имеются некоторые погрешности. Например, такие фразеологизмы, как *буш куык* ‘пустослов’, *ач кернә* (*әрвах*) ‘голодранец’, *ялгыз бүре* ‘бирюк’, *аяклы*

тарих ‘ходячая энциклопедия’ и т. п. названы в словаре составными словами. Многие из включённых в словарь сочетаний со словом *кеше* не могут рассматриваться в качестве сложных слов. Например, значение ‘ненасытный’ в тат. д. *яламсак кеше* выражается не сочетанием указанных слов, а словом *яламсак*; ср.: тат. л. *ашамсак* ‘любитель поесть; гурман’, *йөремсәк* ‘любящий много ходить; непоседливый’, тат. д. *ярамсак* ‘льстивый; угодливый’ и т. п.

В указанный словарь входят некоторые синтаксические сочетания, созданные искусственно, противоречащие сущности татарского языка. Например, словосочетание *шулпа сала торган савыт*, предлагаемое в словаре как сложносоставное татарское название супницы, не может считаться естественным для татарского языка, поскольку в нём имеется слово *аш савыты*, образованное по типу *аш тәлинкәсе* ‘тарелка для первого блюда’, *өлеш тәлинкәсе* ‘тарелка для второго блюда’. Часть словосочетаний, включённых в словарь в качестве сложных слов, – неудачные кальки с русского языка: *күп кешеле* ‘многолюдный’, *мунча хезмәтчесе* ‘банщик’ и т. п. Следует заметить, что сочетания, выдаваемые за составные слова татарского языка, на практике встречаются в переводных с русского языка текстах: газетных или научных статьях, деловых письмах и т. п. Несмотря на перечисленные недостатки, возможно вызванные тем, что это – первый опыт создания словаря сложносоставных слов татарского языка, данный труд является полезным источником для дальнейших исследований в области словообразования.

Нами было обнаружено, что самым распространённым видом составных слов являются сложные слова, компоненты которых связаны атрибутивным отношением. При образовании составных прилагательных очень часто свободное словосочетание с прибавлением аффиксов переходит в сложное слово [4, с. 195–200]. В лексике, характеризующей человека, особенно многочисленными являются составные слова, образованные по модели *имя прилагательное + имя существительное с аффиксом -лы/-ле*. Модель *имя существительное + имя существительное с аффиксом -лы/-ле* представлена лишь несколькими словами. Второй компонент составных слов, образованных по этим двум моделям, всегда выступает в своём прямом значении, тогда как первый компонент может употребляться в переносном. Кроме этого, во втором компоненте всегда имеется аффикс *-лы/-ле*, участвующий в образовании составного слова. В этих двух свойствах, как нам кажется, и состоит главное отличие составных слов от фразеологических единиц. Составные слова не переходят на название самого человека (животного или предмета), тогда как сочетания без аффикса *-лы/-ле* часто подвергаются метафоризации, становясь таким образом фразеологической единицей. Например: *кабак баш* ‘глупый’, *кәкре койрык* ‘собачка, щенок’, *кәпәч борын* ‘свинья’ и т. п. В словосочетании *кабак башлы малай* ‘мальчик с большой и круглой головой (с головой похожей на тыкву)’ *кабак башлы* не является фразеологизмом, в нём имеется лишь образное сравнение, выраженное без слов *кебек* ‘как’, *кадәр* ‘с; величиной’ (с этими словами такого рода словосочетание образоваться не может: **кабак кебек* (*кадәр*) *башлы малай*).

С другой стороны, составные слова, характеризующие человека, отличаются от простых словосочетаний тем, что второй компонент сам или вообще не определяет слово, обозначающее человека, или определяет его, но выражает совсем другое значение. Например, в словосочетании *кысык күзле малай* ‘мальчик с узкими

глазами; узкоглазый мальчик’ *кысык күзле* является составным словом, **күзле малай* не употребляется; в словосочетании *җирән чәчле кыз* ‘рыжеволосая девочка’ *җирән чәчле* – составное слово, *чәчле кыз* не употребляется; в словосочетании *җиңел акыллы хатын* ‘легкомысленная женщина’ *җиңел акыллы* – составное слово, а *акыллы хатын* ‘умная женщина’ выражает совершенно другое, даже противоположное значение.

В составных словах, характеризующих человека и образованных по модели **имя прилагательное + имя существительное + *-лы/-ле***, второй компонент является: 1) названием частей тела человека или его физических особенностей; 2) словом, связанным с внутренним миром человека; 3) словом, связанным с внешним миром человека. В соответствии с этим делением мы предлагаем классификацию составных слов, характеризующих человека; сначала приводится второй компонент, поскольку он является опорным словом:

1) тат. л. *баш* ‘голова’: *пеләш башлы* ‘лысый’; *тел* ‘язык; речь’: *әшәке телле* ‘сквернословный’, *татлы телле* ‘сладкоречивый’, *төче телле* ‘подхалим’, *усал телле* ‘острый на язык’, *үткен телле* ‘острословный’; *авыз* ‘рот’: *чалыш авызлы* ‘криворотый’, *зур авызлы* ‘большеротый’; *теш* ‘зуб’: *үткен тешле* ‘зубастый’, *черек тешле* ‘с гнилыми зубами’, *сирәк тешле* ‘с редкими зубами’; *ирен* ‘губа’: *тулы* (*калын*) *иренле* ‘с пухлыми губами’, *кысык иренле* ‘со сжатыми губами’, *нечкә иренле* ‘с тонкими губами’; *күз* ‘глаз’: *ач күзле* ‘жадный, алчный’, *сыңар күзле* ‘одноглазый’, *кара күзле* ‘черноглазый’, *яшел күзле* ‘зеленоглазый’, *зәңгәр күзле* ‘голубоглазый’, *кысык күзле* ‘узкоглазый’; *керфек* ‘ресница’: *озын керфекле* ‘с длинными ресницами’; *каш* ‘бровь’: *кара кашлы* ‘чернобровый’, *калын кашлы* ‘с густыми бровями’, *нечкә кашлы* ‘с тонкими бровями’; *борын* ‘нос’: *тыңкыш борынлы* ‘гнусавый’, *озын борынлы* ‘длинноносый’, *почык борынлы* ‘с коротким и вздёрнутым носом’ < *почык*/*пычык* ‘(как будто) отрезанный’ < др. тюрк. *bıç-* ‘резать, отрезать’ (ДТС, с. 104), *кәкре борынлы* ‘кривоносый’; *бит* ‘лицо’: *шадра битле* ‘с рябым лицом’; *яңак* ‘щека’: *ач яңаклы* ‘с худыми скулами’, *ал яңаклы* ‘с румянцем на лице’; *йөз*/*чырай* ‘лицо’: *ачык йөзле* (*чырайлы*) ‘приветливый, радушный’, *караңгы чырайлы* (*йөзле*) ‘неприветливый, мрачный’, *яшь чырайлы* ‘моложавый’, *олы чырайлы* ‘кажущийся старше своих лет’; *муен* ‘шея’: *чалыш муенлы* ‘кривошеий’, *озын муенлы* ‘длинношеий’, *кыска муенлы* ‘короткошеий’; *маңгай* ‘лоб’: *тар маңгайлы* ‘узколобый’, *киң маңгайлы* ‘широколобый’; *чәч* ‘волос, волосы’: *чал чәчле* ‘седоволосый’, *куе чәчле* ‘с густыми волосами’, *сирәк чәчле* ‘с редкими волосами’, *кара чәчле* ‘черноволосый’, *җирән чәчле* ‘рыжеволосый’; *сакал* ‘борода’: *чал сакаллы* ‘седобородый’, *кара* (*ак*) *сакаллы* ‘с чёрной (белой) бородой’, *куе* (*сирәк*) *сакаллы* ‘с густой (редкой) бородой’, *җирән сакаллы* ‘рыжебородый’, *түгәрәк сакаллы* ‘с округлой бородой’, *көрәк сакаллы* ‘с длинной и широкой бородой’; *мыек* ‘ус, усы’: *кара мыеклы* / *ак мыеклы* ‘черноусый/белоусый’, *нечкә мыеклы* ‘с тонкими усами’, *озын* (*кыска*) *мыеклы* ‘с длинными (короткими) усами’; *кул* ‘рука’: *чулак куллы* ‘криворукий’, *оста куллы* ‘мастер на все руки’; *аяк* ‘нога’**:** *чатан аяклы* ‘хромоногий, колченогий’, *нечкә* (*юан*) *аяклы* ‘с тонкими (толстыми) ногами’; *гәүдә*/*буй*/*сын* ‘тело, стан’: *таза гәүдәле* ‘рослый, здоровый, крепкого телосложения’, *ябык* (*арык*) *гәүдәле* ‘худой’, *төз гәүдәле* ‘стройный’, *матур сынлы*, *зифа буйлы* ‘стройный, статный’; *сөяк* ‘скелет, опора тела, кость’: *авыр сөякле* ‘грузный; нерасторопный,

тяжёлый на подъём’, *җиңел сөякле* ‘поворотливый’; *кан* ‘кровь’: *кызу канлы* (*табигатьле, холыклы*) ‘вспыльчивый, горячий’, *салкын канлы* ‘хладнокровный’;

2) тат. л. *җан* ‘душа’: *олы* (*олуг*) *җанлы* ‘великодушный’, *туган җанлы* ‘любящий родных’; *йөрәк* ‘сердце, душа’: *туң йөрәкле* ‘бездушный’, *батыр йөрәкле* ‘неустрашимый’; *күңел* ‘душа’: *яхшы күңелле* ‘добродушный, добросердечный’, *ачык күңелле* ‘добродушный’, *шат күңелле* ‘жизнерадостный, весёлый’, *ихлас күңелле* ‘чистосердечный’, *кече күңелле* ‘снисходительный, почтительный’, *киң күңелле* ‘радушный, добрый’, *нечкә күңелле* ‘сентиментальный’; *акыл* ‘ум, разум’: *үткен акыллы* ‘остроумный’, *салкын акыллы* ‘хладнокровный, рассудительный’, *җиңел акыллы* (*холыклы, табигатьле*) ‘легкомысленный, несерьёзный’, *зәгыйфь акыллы* ‘слабоумный’, *йөгерек акыллы* ‘сообразительный’; *холык*/*табигать* ‘характер’: *тыныч* (*яхшы*) *холыклы* ‘со спокойным (хорошим, добрым) характером’, *усал* (*явыз*) *холыклы* ‘злонравный’, *йомшак табигатьле* ‘мягкосердечный’, *начар холыклы* ‘со скверным характером’; тат. д. *киң бәйелле*[1] ‘добрый, великодушный, милосердный’; *ният* ‘намерение’: *усал* (*явыз*) *ниятле* ‘зловредный, злостный, злонамеренный’, *изге* (*яхшы*) *ниятле* ‘благонамеренный, с добрыми намерениями’; *фикер* ‘мысль’: *алдынгы фикерле* (*карашлы*) ‘с прогрессивными идеями (взглядом)’, *йөгерек фикерле* ‘остроумный, находчивый’; *сабыр*[2] ‘терпение’: *авыр сабырлы* ‘очень спокойный, сдержанный, терпеливый’, ср.: тур. *ağır başlı* ‘серьёзный, сдержанный’.

3) тат. л. *сүз* ‘слово, речь’: *тапкыр сүзле* ‘находчивый’, *туры сүзле* ‘откровенный, правдивый’; *белем* ‘знание’: *киң белемле* ‘эрудированный’; *тормыш* ‘жизнь’: *таза тормышлы* ‘зажиточный’.

По модели **имя существительное + имя существительное + *-лы*/*-ле* или *-сыз*/*-сез*** образованы следующие составные слова: тат. л. *туган җанлы* ‘любящий своих родных’; *чандыр гәүдәле* / *чандыр тәнле* ‘худощавый, сухопарый, сухотелый’. Слово *чандыр* в говорах татарского языка употребляется в значении ‘сухожилие; мясо с сухожилиями’ (ТТЗДС, б. 728), в выражениях *чандыр гәүдәле* и *чандыр тәнле* определяет имя существительное и выражает ‘жилистый, худощавый’, но не является прилагательным. Ср.: кирг. *чандыр* ‘жилистое мясо или мясо очень худого животного’; монг. *шандас*(*ан*) ‘сухожилие; *перен.* выносливость’, *шандасаргах* ‘жилистый; *перен.* выносливый’. В тат. л. в значении ‘сухожилие’ употребляется лексема *сеңер*. Тур. *sinir* является единственным словом со значением ‘*анат., физиол.* нерв; *разг.* сухожилие’. Мы предполагаем, что в татарском языке значение ‘нервы; *перен.* терпение, сила’ ранее выражалось словом *теңкә*. В татарском и башкирском языках оно сохранилось лишь в выражениях *теңкәгә тию*/*тейеү* ‘докучать; вымотать душу’, *теңкә корыту*/*коротоу* ‘замучить’. Ср.: в кирг. *диңке* ‘сила, терпение’: *диңкем куруду* ‘я выбился из сил’, *диңкесин курут* ‘вымотать душу’; чув. *тинке калар* ‘измучить’, *тинкелен* ‘мучиться, выбиваться из сил’. Сравнение показывает,

---

[1] Образовано от *киң* ‘широкий’ и *бәйел* + *-ле*. Слово *бәйел* самостоятельно встречается в форме *мәйел* (сиб.-тат.) ‘воля’ (ТТЗДС, б. 473); ср.: кирг. *бейил*/*бейл* (< ар.) ‘нрав, характер; желание, охота’: *ак бейил* ‘доброжелательный’, *кара бейил* ‘злонамеренный’, *бейли тар* ‘скупой’; уйг. *пеил* (< ар.) ‘нрав, характер’: *кичик пеиллик* ‘скромный’.

[2] В татарском языке слово *сабыр* (< ар.), так же как и в языке-источнике, – имя существительное (ср.: *сабыр төбе – сары алтын*; *сабыр итү*; *сабыры төкәнде* и т. п.), но может употребляться и в качестве прилагательного.

что у тюрк. *теңкә* и монг. *шандас*(*ан*) основное значение – ‘нервы, сухожилие’, а переносное – ‘сила, терпение’. В тюркских языках у слова *чандыр* отсутствует второе значение ‘выносливость’, это даёт нам возможность предположить, что оно монгольского происхождения. Таким образом, все три лексемы, употребляющиеся в тюркских языках в значении ‘сухожилие’, имеют разные источники: кыпч. *теңкә* (возможно, восходит к кыпч. *тин* ‘волокно’, ср.: кум. *тин* ‘волокно, тонкая нить’), огуз. *сеңер*/*синир* и монг. *чандыр*.

Некоторые составные слова, характеризующие человека, образуются по модели **имя существительное + имя действия + *-чан*/*-чән***, где компоненты связаны объектным отношением: тат. л. *кеше сөймәүчән* ‘не любящий людей, человеконенавистник’ < *кеше* ‘человек’ + *сөймәү* ‘не любить’ + *-чән*, *кеше кайгысын уртаклашучан* ‘участливый, умеющий сочувствовать’ < *кайгы уртаклашу* ‘соболезновать’ + *-чан* (лексема *кеше* ‘человек’ в составе данных составных слов выражает значение ‘другой человек, кто-то’); *үзен генә кайгыртучан* ‘себялюбивый, эгоистичный’ < *үзе* ‘сам’ (*үзен генә* ‘лишь только себя’) + *кайгырту* ‘заботиться; забота’ + *-чан*; *хезмәт (эш) сөючән* ‘трудолюбивый’ < *хезмәт* (*эш*) ‘работа’ + *сөю* ‘любить’ + *-чән*; *татлы яратучан* ‘сластёна’ < *татлы* ‘сладость, сладкое’ + ярату ‘любить’ + *-чан*, *хатын-кыз яратучан* ‘женолюбивый’ < *хатын-кыз* ‘женщина’ + *ярату* ‘любить’ + *-чан*; *юл куючан* ‘уступчивый’ < *юл* ‘путь, дорога’ + *кую* ‘*букв.* ставить’ + *-чан*.

По модели **наречие + отглагольное имя + *-чан*/*-чән*** образуются слова: тат. л. *тиз (җиңел) ышанучан* ‘легковерный’ < *тиз*/*җиңел* ‘быстро/легко’ + *ышану* ‘верить; вера’ + *-чан*; *тиз онытучан* (< *үпкәсен тиз онытучан* ‘быстро забывающий обиду’) и *тиз кайтучан* ‘отходчивый’ (< *кайту*, *кайтып төшү* ‘успокоиться’); *күп сөйләүчән* ‘болтливый’ < *күп* ‘много’ + *сөйләү* ‘рассказывать, говорить; говорение’ + *-чән*; *тиз үпкәләүчән* ‘обидчивый’ < *тиз* ‘быстро’ + *үпкәләү* ‘обижаться’ + *-чән*.

При характеристике человека широко употребляются лексемы, образованные с помощью аффикса *-чан*/*-чән*. Производящей основой для таких лексем могут выступать:

1) имена существительные: тат. л. *сүзчән* ‘говорливый’, *үпкәчән* ‘обидчивый’, *уйчан* ‘задумчивый’ и т. п.;

2) отглагольные имена: тат. л. *бәхәсләшүчән*, *тарткалашучан* ‘любящий поспорить’, *үртәүчән* ‘любящий дразнить, злить’, *кызыксынучан* ‘пытливый, любознательный’, *масаючан* ‘заносчивый, надменный; склонный к чванству’ и т. п.;

3) аналитические глаголы в форме отглагольного имени: тат. л. *гаеп итүчән* ‘любящий осуждать, обвинять’, *әрәм итүчән* ‘расточительный’, *туган итүчән* ‘любящий общаться с родными’, *гафу итүчән* ‘(обычно всегда) прощающий’, *ык-мык итүчән* ‘(всегда, когда необходимо принимать решение) проявляющий нерешительность’, *кызып китүчән* ‘вспыльчивый’, *каушап калучан* ‘(всегда, когда следует поступать спокойно, хладнокровно) приходящий в замешательство’, *үч саклаучан* ‘злопамятный’, *үч алучан* ‘мстительный’ и т. п.;

4) глагольные словосочетания: тат. л. *хезмәт* (*эш*) *сөючән* ‘трудолюбивый’, *кешедән көлүчән* ‘любящий высмеивать других’ и т. п.;

5) фразеологические единицы с глагольным стержнем: тат. л. *сүзендә торучан* (*тормаучан*) ‘выполняющий (не выполняющий) обещания’, *сүзен бирмәүчән*

‘неуступчивый’, *кырт сөйләшүчән* / *кырт кисүчән* ‘резкий’, *акыл сатучан* ‘любящий поучать’, *үз сүзен сүз итүчән* ‘любящий настоять на своём’, *кинә саклаучан* (*тотучан*) ‘злопамятный, мстительный’; тат. д. *ыркын бирмәүчән* ‘не дающий возможности другим что-либо сделать’, *йөз итүчән* ‘принимающий гостей по всем правилам, обычаю’, *артка ташлаучан* ‘не помнящий (прощающий) обиды, зла’ и др.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что аффикс *-чан*/*-чән*, основное значение которого ‘склонный к совершению действия, обозначенного производящей основой’ [3, с. 191], в языке заметно активизируется.

Кроме того, аффикс *-чан*/*-чән* часто прибавляется к свободным словосочетаниям, выражающим постоянно повторяющееся действие субъекта, через которое описывается его характерное качество. Например: тат. л. *арттырып сөйләүчән* ‘любящий преувеличивать’, *төрттереп сөйләшүчән* ‘любящий говорить недобрыми намёками’, *мактаганны* (*сыйпаганны*) *яратучан* ‘любящий похвалу (ласку)’, (*йокыдан*) *иртә* (*соң*) *торучан* ‘любящий вставать рано (поздно)’, (*йокларга*) *иртә* (*соң*) *ятучан* ‘любящий ложиться спать рано (поздно)’, *ишетмәгәнгә* (*күрмәгәнгә, белмәгәнгә, аңламаганга*) *салышучан* ‘притворяющийся неслышавшим (невидевшим, незнающим, непонимающим)’, *акрын кыймылдаучан* ‘медлительный’ и др. Таким образом, присоединяясь к довольно большому количеству глаголов (глагольных словосочетаний), аффикс *-чан* обозначает отличительные качества человека. Данная функция (характерна и для аффикса *-у*) очень близка к функции причастия. Ср.: причастие на *-учы*/*-үче*: *яхшылыкның кадерен белүче кеше* ‘человек, знающий цену добра’; форма на -(*у*)*чан*/-(*ү*)*чән: төптән уйлап эш итүчән җитәкче* ‘руководитель, который (всегда, обычно) действует, глубоко обдумав [ситуацию]’.

В тематической группе слов, характеризующих человека, имеются заимствованные сложные слова, такие как тат. л. *бәдәхет* ‘злосчастный, несчастный; *бран.* проклятый, окаянный; негодяй’ < перс. *бәд* ‘плохой’ и ар. *бәхт* ‘счастье’; тат. л. *гарип-гораба* ‘инвалиды; нетрудоспособные; калеки’ < *гарип* ‘искалеченный’ (< ар.) и *гораба* – ар. мн. ч. от *гарип*; сиб.-тат. *ләбецаккан* ‘не умеющий держать язык за зубами’ < *ләб*(*е*) ‘губа’ и *цаккан* ‘ловкий’. Иранское заимствование (*лэб*) активно употребляется в узбекском языке: *лаб* ‘губа’. Слово *цаккан*/*чаккан* имеется в уйгурском и киргизском языках: уйг. *чаккан* ‘ловкий, расторопный’, кирг. *чакан* ‘проворный, ловкий’; ср. тадж. *чакъкъон* ‘проворный’. К. Юдахин указывает на иранское происхождение кирг. *чакан* (КРС, с. 836). В сартско-русском словаре зафиксировано: *чаканъ* и *чакканъ* ‘скорый, шустрый, поворотливый’ (РС-СР, с. 143), ср. перс. *чалакане* ‘ловкий’. Таким образом, обе лексемы – *лаб*/*ләб* и *чакан*/*цаккан*, а возможно, и само словосочетание *ләб-е чаккан* / *ләбецаккан* были заимствованы из иранских языков.

Другие заимствования: тат. л. *асыл зат*/*асылзат* ‘человек благородного происхождения’ < *асыл* ‘благородный’ (< ар.) и *зат* ‘лицо, особа’ (< ар.); ср.: осм.-тур. *asil-zade* (< ар.-перс.) ‘родовитый (знатный) человек’; сиб.-тат. *акылтана* ‘умный, мудрый’ < *акыл* ‘ум, разум’ (< ар.) и *тана* ‘мудрый’, туркм. *дана*, узб. *доно* ‘мудрый’ (< перс. *dana* ‘знающий, учёный, мудрый; мудрец’); тат. д. *ир-dawай* ‘женщина, любящая мужчин и мужское общество’ < тюрк. *ир* ‘мужчина’ и рус. *давай*; сиб.-тат. *карабаран* ‘брюнет’ < тюрк. *кара* ‘чёрный’ и монг. *бараан*

‘тёмный, тёмного цвета’; *ахирәт* (*ахири*) *дус* ‘задушевная подруга’ < ар. *ахирәт* ‘потусторонний мир’ и перс. *дус* ‘друг’.

Сложные слова существуют как цельнооформленные единства с установленным по внутренним правилам языка следованием компонентов. Компоненты сложного слова не имеют полной самостоятельности, морфологической оформленности и семантической законченности. Поэтому первый компонент в таких сложных словах, как тат. л. *акылга сай* ‘слабоумный’, *иманга зәгыйфь* ‘совесть нечиста’, *эшкә сәләтле* ‘работоспособный, дееспособный’, *хәлгә* (*кеше хәленә*) *керүчән* ‘участливый, отзывчивый, заботливый’ и т. п. является частью целого, а аффикс *-га*, будучи по происхождению падежной формой, не выполняет падежную функцию. Это же касается и аффикса *-дан* в таких сложных словах, как тат. л. *алдан күрүчән* ‘дальновидный; прозорливый; ясновидец’, *кешедән көлүчән* ‘любящий высмеивать людей’. В сложных словах тат. л. *акылы камил* ‘в здравом уме’, *акылы кыска* ‘скудоумный, недалёкий’, тат. д. *кул артлы* ‘нечист на руку’ (первоначально, возможно, было *кулы артлы*) исходная предикативная связь между компонентами постепенно ослабла. В словах тат. л. *туган тиешле* ‘родня’, *туа сукыр* ‘слепой от роду’, *тума ялангач* / (*анадан тума*) *ялангач* ‘в чём мать родила’ оба компонента участвуют в образовании единого значения. Они качественно отличаются от форм, образующих степень признака, таких как *дөм сукыр* ‘совершенно слепой’, *шыр ялангач* ‘совершенно голый’ и т. п.

Таким образом, в лексике, характеризующей человека, одинаково представлены все три вида сложных слов. Основу составляют кыпчакско-тюркские слова. В составе парных слов выявлены древнетюркские лексемы, самостоятельно не употребляющиеся в татарском языке: *җәтек, иләс, чап*/*цап, битү* и др. В незначительной части сложных слов один из компонентов является заимствованием: из ар.: *гарип, зәгыйфь, камил, акыл, холык, табигать, ихлас, сәләт, сабыр, хезмәт, хөрмәт, гаеп, кадер, ахирәт, бәйел* (тат. д); из перс.: *җан, дус, таза, зифа, начар, әшәке*; из монг.: *маңгай, баран* (сиб.-тат.), *чандыр*, из рус.: *пеләш, dawай* (тат. д.) Тип образования и значение компонентов некоторых сложных слов – тюркских по происхождению лексем – устанавливаются путём этимологического анализа. Подавляющее большинство сложных слов, употребляющихся при характеристике человека, являются диалектными, разговорными или просторечными; относятся в основном к именам прилагательным и небольшая часть – к именам существительным. Собственно сложные и составные слова чаще образуются сложением прилагательного с существительным во втором компоненте. В образовании составных слов участвуют аффиксы *-лы*/*-ле* и *-чан*/*-чән*. Парные слова, как правило, образованы от двух имён прилагательных. Другие части речи (наречия, местоимения, глаголы, подражательные слова) в образовании сложных слов, характеризующих человека, встречаются очень редко.

Сокращения

Ар. – арабский, ар.-перс. – арабо-персидский, др. тюрк. – древнетюркский, к. калп. – каракалпакский, каз. – казахский, кирг. – киргизский, кум. – кумыкский, монг. – монгольский, огуз. – огузский, осм.-тур. – османско-турецкий, перс. – персидский, рус. – русский, сиб.-тат. – сибирско-татарский, тат. д. – татарский диалектный, тат. л. – татарский

литературный, тат. простореч. – татарский просторечный, тат. разг. – татарский разговорный, тув. – тувинский, тур. – турецкий, тур. д. – турецкий диалектный, туркм. – туркменский, тюрк. – тюркский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, чаг. – чагатайский, чув. – чувашский, шор. – шорский.

Summary

A.R. Rakhimova. Structural and Semantic Peculiarities of Complex Words in the Tatar Language (Based on the Lexis Describing Human Characteristics).

The paper attempts to reveal and describe some peculiarities of the formation of complex words in the Tatar language, which are used to describe human characteristics. Words belonging to the thematic group are divided into proper complex, paired, and compound words. Most lexemes are dialectal, informal, or colloquial, being characterized as adjectives. The source lexical units involved in the formation of complex words are mostly of the Kipchak-Turkic origin in the Tatar language. Very few of them are actual borrowings from non-cognate languages. Proper complex and compound words are more often formed by connecting the adjective to the noun as a second component. Paired words are mainly formed by using two adjectives. New compound words are formed with the help of such affixes as *-ly*/*-le* (*-лы*/*-ле*) and *-chan*/*-chän* (*-чан*/*-чән*).

Keywords: Tatar language, thematic lexis, stem composition, types of complex words, borrowings, word origin.

Источники

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

КРС – *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 973 с.

Р – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1911.

РС-СР – *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. – Казань: Унив. тип., 1884. – 478 с.

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

ЭСТЯ – *Әхмәтьянов Р.Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Литература

1. *Ганиев Ф.А.* Образование сложных слов в татарском языке. – М.: Наука, 1982. – 150 с.
2. *Ганиев Ф.Ә.* Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы: Төзәт. 3 нче басма. – Казан: Мәгариф, 2009. – 271 б.
3. *Ганиев Ф.А.* Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань: Тан Дим, 2009. – 264 с.
4. Татарская грамматика: в 3 т. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – Т. 1. – 584 с.
5. *Тагирова Ф.И.* Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка. – Казань: Печат. двор, 2005. – 126 с.
6. *Миргалеев Р.М.* Парные слова в татарском языке (лексико-семантический и стилистический аспекты): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 21 с.

7. *Хисамова Ф.М.* Татар телендә I һәм II төр изафә калыбында ясалган кушма һәм тезмә сүзләр // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: Материалы Междунар. тюркол. конф., посвящ. 80-летию Фуата Ганиева (Казань, 20–21 сент. 2010 г.). – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2011. – С. 548–551.
8. *Сафиуллина Ф.С.* Хәзерге татар язма әдәби телдәге парлы сүзләргә кайбер күзәтүләр // Творческие связи Казанской тюркской лингвистической школы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Мирфатыха Закиева (Казань, 9 окт. 2008 г.). – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2010. – С. 128–131.
9. *Ганиев Ф.А.* Аналитизм тюркских языков и его отражение в словообразовании и лексикографии // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: Материалы Междунар. тюркол. конф., посвящ. 80-летию Фуата Ганиева (Казань, 20–21 сент. 2010 г.). – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2011. – С. 93–99.
10. *Сафиуллина Ф.С., Газизова Ф.М.* Татарча-русча тезмә сүзләр сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2002. – 364 б.

Поступила в редакцию
18.03.15

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *a.rakhimova@gmail.com*